

УДК 821.111

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-153-161

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ПУСТЫНИ В РОМАНАХ А. КАРТЕР

Семенец А.В.*Литературный институт имени А.М. Горького**123104, г. Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25, Российская Федерация*

Аннотация. В статье предпринята попытка всестороннего анализа образа пустыни в творчестве А. Картер. Для рассмотрения были выбраны романы «Ночи в цирке» и «Страсть новой Евы», в которых наиболее ярко представлен данный образ. В процессе работы учитывались теории экокритики, позволяющие по-новому посмотреть на значение пустыни как феномена в природе, так и её символику в литературном произведении, философские интерпретации функционирования художественных образов пустынных земель и литературоведческие наблюдения исследователей творчества А. Картер по данному вопросу. Проведённый анализ позволил прийти к выводу, что английская писательница использует пейзаж прежде всего для отображения внутреннего состояния героев произведения. Пустыня же, предполагающая некую пустоту, низводит личности персонажей до состояния “*tabula rasa*”. Таким образом, данный ландшафт становится катализатором духовных поисков и трансформаций главных героев.

Ключевые слова: художественный образ, пейзаж, символизм, идентичность, экокритика, пустыня, А. Картер.

THE INTERPRETATIVE POTENTIAL OF THE SPATIAL IMAGES OF DESERT IN A. CARTER'S NOVELS

A. Semenets*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing,**25, Tverskoy Boulevard, Moscow, 123104, Russian Federation*

Abstract. The article made an attempt to comprehensively analyze the image of the desert in A. Carter's works. “Nights at the Circus” and “The Passion of New Eve” were chosen for the analysis as the novels in which this image is represented the most vividly. The work considers the theories of ecocriticism that give us an opportunity to take a fresh look at the meaning of desert as a phenomenon in nature and its symbolism in literature, philosophical interpretations of the literary images of desert lands and literary observations of the researchers of A. Carter's creativity on this issue. The analysis led to the conclusion that the English writer, first of all, uses the landscape to picture the mental state of the heroes of her work. The desert, assuming certain emptiness, reduces the personality of the characters to the position of “*tabula rasa*”. So this landscape becomes a catalyst of spiritual searches and transformations of the main characters.

Key words: literary image, landscape, symbolism, identity, ecocriticism, desert, A. Carter.

Образ пустыни как в русской, так и в зарубежной литературе постепенно становится всё более универсальным, распространяясь как метафора бесплодия, пустоты и заброшенности. Внимание писателей достаточно часто фиксируется на данном природном феномене, наделяя его настолько ёмким символическим значением, что позволяет ему проникнуть даже в названия художественных произведений (Т. Элиот «Бесплодная земля», Д. Буццати «Татарская пустыня», Ж.М. Леклезю «Пустыня», М. Рид «Жилище в пустыне»). Х. Шейхзаде в своей книге, предлагающей обзор литературы о пустыне, указывает, что данная природная зона представляет интерес не только для науки, но и для искусства. Особенно в художественных произведениях данный образ получил наиболее широкую трактовку [11, с. 1–2]. Литературоведческий интерес к данной проблематике также не ослабевает, потому что бесплодная территория всегда таит в себе загадку, имеет некое inferнальное начало. Так, исследовательница Н. Г. Федосеенко указывает, что «лексема “пустыня” ... прежде всего, это географическая пустыня, с песком и зноем, связанная либо с одиночеством человека, либо с его испытанием. В семантике слова заложена “пустота” “дотварного” мира, чистота» [4, с. 206]. Анализируя особенности репрезентации данного образа в литературе, Т.Г. Никитина отмечает, что «религиозно-философский потенциал пустыни способствовал концептуализации данного понятия» [2, с. 134].

Известная английская писательница А. Картер в своём творчестве воссоздаёт атмосферу пустыни как пространства, наделённого опреде-

лённой спецификой, подчёркивая её символичность. Наиболее ярко данный образ представлен в таких романах как «Страсть новой Евы» (*The Passion of New Eve*, 1977) об опыте гендерной трансформации Эвелина в Еву и «Ночи в цирке» (*Nights at the Circus*, 1984), рассказывающем о жизни воздушной гимнастки. Стоит отметить, что в первом случае пустыня представлена в своём классическом варианте как жаркая песчаная местность, во втором случае топографическая привязка данной территории отходит на задний план. В романе «Ночи в цирке» воссоздаётся заснеженная уединённая местность, которую А. Картер определяет следующим образом: «За окном проплывает невообразимая, всеми забытая бескрайняя пустыня» [1, с. 320]. В данном случае акцент делается скорее на том, что данное пространство – «место испытания человека, трудное для жизни» [4, с. 206].

Концептуальная поэтизация сочетается с долей мифологизации при описании пустынных земель в произведениях А. Картер. Так, рассмотрение и интерпретация данного образа с акцентом на бесплодность свойственна роману «Страсть новой Евы». Главный герой характеризует её таким образом: «Я добрался до пустыни, воплощения созданной стерильности» [7, с. 41], «океан песка с отбеленными скалами, безжизненная часть мира» [7, с. 38]. Данный ландшафт становится для Эвелина символом нулевой точки, одновременно безжизненной, но и способной в процессе замирания хранить прошлое и будущее как некий единый временной континуум, намекая на возможность перерождения.

Данное пространство дарует шанс протагонисту романа избавиться от своего прошлого негативного опыта и старой личности, которая успела превратиться в структурированный набор стереотипов и социальных ролей, сценариев, сдерживающих индивидуальное психологическое развитие и притупляющих эмоциональную сферу. Топос пустыни Эвелин рассматривает как нечто волшебное, способное как погубить, так и даровать спасение. Так, исследовательница Э. Филимон, которая занималась изучением разного рода гетеротопий в романах А. Картер, рассматривала безжизненную территорию как символ пустоты, пространство памяти, загадочную и неоднозначную по своим возможностям природную зону [9, с. 105].

В романе «Ночи в цирке» главная героиня Феверс, ещё находясь в поезде, разглядывая пейзажи за окном, впечатлена бесконечными белыми покровами, за которыми ничего не разобрать: «Всё укрыто снегом, белым, как новые простыни» [1, с. 320]. Девушка также обращает внимание на опустошённость этих земель и в конечном итоге определяет снежное царство как «центр того, что называется “нигде”» [1, с. 322].

В романе «Страсть новой Евы» главный герой решает отправиться в пустыню после того, как его отношения с новой знакомой Лейлой терпят крах. Испытывая угрызения совести за своё безответственное поведение, повлекшее бесплодие девушки, Эвелин стремится найти такое место, которое бы соответствовало его внутреннему состоянию. Героиня романа «Ночи в цирке» – воздушная гимнастка Феверс попадает на землю, скованную льдами,

в результате крушения поезда, следовавшего по бескрайним просторам Сибири. Таким образом, путешествие в пустыню – это побег не только от цивилизации, но и от себя. Эвелин его совершает добровольно, словно налагая на себя наказание. Феверс же вынужденно терпит изоляцию, что также представляется неким испытанием.

Образ пустыни в литературе часто был связан с духовными переживаниями, с внутренним миром героев. Данный пейзаж становится символическим в воображении Эвелина как лагуна очищения. Главный герой осознаёт: «Мне нужен свежий воздух и чистота, я отправился бы в пустыню. Там изначальный свет, не тронутый человеческим взглядом, очистит меня» [7, с. 38]. Данное понимание бесплодной части мира некоторым образом близко экокритике, в которой отведено значимое место изучению таких ландшафтов. Так, одной из книг, которые наиболее детально анализируют стратегии репрезентации концепта «безжизненных земель» в художественной литературе является «Век ранней экокритики» Д. Мазеля. Исследователь относит экокритику к области литературоведения, где художественное произведение изучается с позиции крайней важности окружающей среды и природы. Также автор указывает, что сам термин впервые был введён в употребление Уильямом Рукертом в 1978 г., но зарождалось данное направление на протяжении как минимум двадцати лет [10, с. 1].

Исследователь останавливается и на отдельных художественных произведениях, в которых ключевым становится эконравленность и отмечается яркая художественная образность при описании природы. Учёный не обо-

дит стороной и пейзажи пустыни, он заключает, что стремление человека оказаться в данной природной зоне – один из способов отказа индивида от социализации и общения для того, чтобы посвятить себя духовному совершенству, понимая под данными территориями нетронутый, «изначальный мир», который способствует внутреннему росту [10, с. 176–177].

В данном ракурсе также интересна позиция Эдварда Эбби – известного американского писателя и философа, который стал яркой фигурой в природоохранном движении. В одной из самых популярных своих книг «Отшельник пустыни» автор рассматривает данную территорию как некую область, где личность может в наиболее полной мере раскрыть свои качества, не будучи связанной социальными установками. Индивид, таким образом, не ограниченный социальным договором, может обрести истинную свободу и тем самым познать и раскрыть свою истинную сущность. Так, замечает Э. Эбби: «Предельная яркость света в пустыне тождественна крайней индивидуальности её жизненных форм» [5, с. 29]. Обобщая, нужно отметить, что концепции представителей экокритики для понимания символической наполненности разного рода ландшафтов в творчестве А. Картер достаточно важны, потому как они указывают на отдельные значимые аспекты репрезентативных стратегий при описании природы в художественном произведении.

Попадая в пустыню, Эвелин находится в состоянии меланхолической экзистенциальной амбивалентности и не понимает, что именно данная местность станет свидетелем его пере-

рождения – местом, где его биологический пол и гендерная идентичность будут изменены. Вследствие этого ему придётся смириться с новой моделью реализации своей психологической сущности, не обращая внимания на предубеждения и социальные конструкты. Данное перевоплощение перенесёт героя в новый мир, разрушив сложившуюся в его сознании матрицу патриархального доминирования.

Эвелин рассматривает путешествие среди песков как возможность очищения от старого посредством исследования безжизненных просторов. Также главный герой надеется обрести здесь гармонию. Это территория одиночества и созерцания, которая притягивает людей, находящихся в поиске себя. Символическое значение пустыни подпитывается и религией. Так, как экокритик П. Барри отмечает, данное пространство ассоциируется с местом откровения: «Моисей восходит на гору, чтобы получить заповеди, Христос отправляется в пустыню, чтобы молиться» [6, с. 257]. Для Эвелины же пустыня становится эпицентром его перерождения. Хотя главный герой убегает в неё, чтобы очистить свои мысли, данная местность полностью изменит его, став символом утраченной и вновь обретенной идентичности.

Пустыня предстаёт как фантастическая земля чудес, порождающая химер и галлюцинаторные образы, которые материализуются и обретают в ней силу. Такое понимание особенностей данной территории согласуется и с концепциями П. Барри, который полагает, что первую ступень окружающей среды, являющейся связующим звеном природы и культуры представляют собой «пустыни, океаны, необитаемые

острова» [6, с. 255]. Действительно, в романе «Ночи в цирке» показательным является то, с каким трепетом относился местный народ к любому проявлению жизни сказочной пустоши: «пустыня, выглядящая листом белой бумаги для непосвящённого, всю жизнь прошедшего в городе глаза, была для них энциклопедией, к которой они прибегали ежедневно по любому поводу, до мелочей изучая ландшафт, словно инструкцию к универсальному знанию, подобному “внутреннему исследованию”» [1, с. 408].

Когда Эвелин почувствовал силу бесплодных земель, он смог выразить свои переживания так: «Я безнадежно потерялся среди пустыни, без карты, гида или компаса. Пейзаж разворачивался вокруг меня, как старый веер, утративший весь свой разукрашенный шёлк и состоящий лишь из голых, пожелтевших палок слоновой кости» [7, с. 41]. Движение Эвелина к центру пустынной местности становилось изнуряющим, оно осложнялось и появлением галлюцинаций. Так, образ пустыни связан с воскрешением мифов, с обретением реальности иллюзорными образами. В романе «Ночи в цирке» именно на просторах снежной местности появляется шаман, создающий свой мир: «это мир, сон, пригрезившаяся идея или сформированное убеждение простиралось как вверх, в небеса, так и вниз, к самому сердцу земли, глубинам озёр и рек со всеми их обитателями» [1, с. 409].

Кажется целесообразным также уделить внимание одному из аспектов романа «Страсть новой Евы» – его алхимическому элементу, дающему возможность проиллюстрировать идею трансформации, возрождения и об-

новления, которая была реализована на фоне пространств с суровыми климатическими условиями. Атмосфера пустыни со своим засушливым климатом и высоким температурным режимом расходует психическую энергию главного героя, тем самым окуная его в бессознательные переживания. Жёлтый песок и жаркая погода дают понять, что на этих землях власть принадлежит Солнцу, которое является важнейшим алхимическим символом. «Металлопланетная символика, халдейско-вавилонско-античное происхождение которой несомненно, заимствуется всё же из Книги Бытия. Золото – Солнце, серебро – Луна. ... Солнце и Луна выступают в двух ролях: сера и ртуть как алхимические представители Аристотелевых начал, золото и серебро – предельные состояния совершенствования металлов» [3, с. 78].

Эвелин испытывает на себе влияние Солнца – жара, яркий свет, песок. В алхимии существует гипотеза, что даже неодушевлённая вещь таит в себе семя золота, и каждая песчинка обладает духовной природой. Данная наука не предполагает создание чего-либо из ничего, она лишь стремится напитать семена золота и взрастить их. Также и дух Эвелина, попав под власть Солнца, начинает свою трансформацию.

Пустыня становится также укромным местом, в котором творятся непонятные вещи – эксперименты по созданию нового человека. Данная территория вовлечена в сферу женского, в ней Эвелин чувствует себя неуверенно, incapable проявить какую-либо психическую мобильность, он изначально не готов к познанию. Таким образом, пустыня становится одновременно и некой пространствен-

ной метафорой, отрицающей фаллоцентризм. Как только Эвелин покидает город и отправляется на незнакомую ему территорию, его сила, подпитываемая патриархальными установками, ослабевает. Именно здесь главного героя захватывают в плен воинственные женщины, которые приводят его в матриархальный мир Бьюлы. Таким образом, пустыня хоть и находится вне локуса гендерных отношений, изначально становится ближе к структуре женской идентичности.

Можно предположить, что атмосфера пустынной территории играет некую роль в попытках А. Картер деконструировать социально-половые роли, функционирующие в обществе. Пустыня воплощает недостаточность витальной энергии, бесплодие, некий переход от жизни к небытию. Здесь же происходит одно из ключевых событий в романе «Страсть новой Евы» – изменение биологического пола главного героя и начало его гендерной трансформации.

Так, сумасшедшие опыты, проводимые Матерью-жрицей по созданию идеальной женщины в романе скрываются от чужих глаз и требуют уединения, которое может предоставить только безжизненная природная зона. Однако всё же эксперименты предводительницы женщин заканчиваются фиаско, потому как пустыня не может в данном случае стать плодородным началом, какие бы технологические характеристики она ни приобрела. В романе «Ночи в цирке» данная территория используется также как отдалённая местность, сокрытая от посторонних взглядов, на которой могут происходить странные вещи, также включающие разного рода экспери-

менты. Так, некая графиня П. создаёт на снежных просторах необычное исправительное учреждение для женщин, которое функционирует строго по установленным ею правилам.

Изменение главных героев романа «Ночи в цирке» можно проследить на протяжении всего произведения, однако при переносе места действия в пустыню оно достигает своей кульминации: Феверс, лишённая возможности поддерживать свой привычный внешний образ при помощи косметических средств и повредившая крыло, начинает задумываться о будущем, а Уолсер, который потерял память, смотрит на мир как ребёнок.

Именно в пустыне, которую можно считать отображением внутреннего мира героев художественного произведения, действующие лица романа попадают в некую нулевую точку, их личность становится *tabula rasa*. Это также соотносимо и с героем романа «Страсть новой Евы» Эвелином, который не в состоянии разобраться в себе. Нужно отметить, что, по мнению исследовательницы Х. Йеандл, «доктрина “белого листа” была особенно важна в “Страсти новой Евы”, где гендерное конструирование Евы/Эвелина изображалось в соответствии с концепцией Д. Локка о “чистом листе”, которая также подпитывала непринятие А. Картер врождённой, эссенциалистской теории пола» [12, с. 100]. Однако хотелось бы подчеркнуть, что утрата главными героями романов старого мировосприятия таит в себе и возможность самоусовершенствования.

Заснеженные земли в романе «Ночи в цирке», словно обратная сторона песчаных ландшафтов из «Страсти новой Евы», предстают некой территорией

безвременья. Феверс сразу же настраивается против ледяных просторов, совершенно не видя возможности в них ужиться. Нужно отметить, что для воздушной гимнастки нахождение в данной местности – особое испытание: пребывая на территории, население которой весьма скудное, звезда цирка теряет привычный контакт со зрителями, которые частично и формировали её внешний образ и личность. Исследователь С. Димовиц по этому поводу замечает, что романы «Страсть новой Евы» и «Ночи в цирке» объединяет идея деконструкции женской идентичности под давлением патриархальных устоев [8, с. 137].

Также пустыня становится ещё и камерой пыток не только физических, но и психологических. Именно здесь Эвелин, который становится Евой, задумывается о своей сущности, примеряет на себя новые гендерные роли. В романе «Ночи в цирке» именно в снежной местности главные герои постепенно меняются, перестраивая свою личность: Феверс – посредством необычной обстановки без удобств и нового романтического чувства, а для Уолсера пустынная территория – это место, где он переживает свой личностный упадок, который впоследствии даёт ему возможность сформировать взрослую устойчивую личность.

Можно заключить, что А. Картер мастерски обыгрывает образ пустыни в своих романах, давая возможность рассматривать его во многих ракурсах и находить всё новые интерпретации. Топос пустыни становится исходной точкой, попадая в которую главные герои начинают свой путь самопознания и самоопределения. Таким образом, данная территория, создающая

в произведении определённую атмосферу и настроение, становится сложным символом. Автор использует её образ не только как некую метафору, но и, апеллируя к способности данной территории истощать человека и оживлять в его сознании галлюциногенные образы, наделяет её свойством портала, открывающего возможность перехода из материального мира в мир фантазии. Так, писатель может поставить под сомнение реальность событий, происходящих в дальнейшем с главными героями. Кроме того, изображая данную местность достаточно уединённой и малонаселенной, писательница, с одной стороны, даёт своим героям, попавшим сюда, большую свободу для духовных поисков, с другой стороны, переносит пустыню в сферу волшебного безвременья. Здесь могут появляться экстраординарные персонажи и происходить самые странные события.

В произведениях А. Картер акцент ставится на взаимосвязи природы с внутренним, духовным миром героев. Такое понимание данной проблемы характерно и для теоретиков экокритики. Можно предположить, что пустыня в романах английской писательницы представляет собой зеркальное отражение психологического состояния главных героев, будучи некоей пустотой, она даёт возможность им самим стать *tabula rasa*, как это происходит с Эвелином и Джеком Уолсером. Так, данная территория хоть и показана как враждебная сила, сложное и многомерное пространство, но всё же, создавая условия для испытаний, она также даёт возможность каждому герою пройти их с достоинством и обрести своё истинное «Я».

ЛИТЕРАТУРА

1. Картер А. Ночи в цирке. СПб.: Амфора, 2004. 479 с.
2. Никитина Т.Г. Концепты «сад» и «пустыня» в романах Фрэнка Герберта серии «Дюна» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2017. №3 (41). С. 134–140.
3. Рабинович В.Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. М.: Наука, 1979. 391 с.
4. Федосеенко Н.Г. Семантика пустыни в русской литературе эпохи романтизма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 2. Ч. 2. С. 206–214.
5. Abbey E. *Desert Solitaire*. Tucson: University of Arizona Press, 1988. 255 p.
6. Barry P. *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. Manchester: Manchester University Press, 2002. 290 p.
7. Carter A. *The Passion of New Eve*. London: Virago, 1982. 192 p.
8. Dimovitz S.A. *Angela Carter: Surrealist, Psychologist, Moral Pornographer*. London and New York: Routledge, 2016. 212 p.
9. Filimon E.C. *Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision*. Hamburg: Anchor Academic Publishing, 2014. 332 p.
10. Mazel D.A. *Century of Early Ecocriticism*. Athens and London: University of Georgia Press, 2001. 370 p.
11. Sheikhzadeh H. *A Short Way to Literature of the Desert: Poetry, Travelogue, Novel*. Pandeypur, Varanasi Publisher: Goyal Prakashan, 2017. 85 p.
12. Yeandle H. *Angela Carter and Western Philosophy*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 215 p.

REFERENCES

1. Carter A. *Nochi v cirke* [Nights at the Circus]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2004. 479 p.
2. Nikitina T.G. [Concepts “garden” and “desert” in “Dune” serial novels by Frank Herbert]. In: *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vector of Science. Togliatti State University], 2017, no. 3(41), pp. 134–140.
3. Rabinovich V. L. *Alhimija kak fenomen srednevekovoj kul'tury* [The alchemy as a phenomenon of medieval culture]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 391 p.
4. Fedoseenko N.G. [Semantics of desert in the Russian literature of romanticism epoch]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology, Asian Studies, Journalism], 2009, no. 2, iss .2, pp. 206–214.
5. Abbey E. *Desert Solitaire*. Tucson, University of Arizona Press, 1988. 255 p.
6. Barry P. *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. Manchester, Manchester University Press, 2002. 290 p.
7. Carter A. *The Passion of New Eve*. London, Virago, 1982. 192 p.
8. Dimovitz S.A. *Angela Carter: Surrealist, Psychologist, Moral Pornographer*. London and New York, Routledge, 2016. 212 p.
9. Filimon E.C. *Heterotopia in Angela Carter's Fiction: Worlds in Collision*. Hamburg, Anchor Academic Publishing, 2014. 332 p.
10. Mazel D. *A Century of Early Ecocriticism*. Athens and London, University of Georgia Press, 2001. 370 p.
11. Sheikhzadeh H. *A Short Way to Literature of the Desert: Poetry, Travelogue, Novel*. Pandeypur, Varanasi Publisher, Goyal Prakashan, 2017. 85 p.
12. Yeandle H. *Angela Carter and Western Philosophy*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 215 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенец Антонина Валерьевна – аспирант кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А.М. Горького;
e-mail: tonjjas@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonina V. Semenets – postgraduate student at the Department of Foreign Literature, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing;
e-mail: tonjjas@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Семенец А.В. Интерпретационный потенциал пространственных образов пустыни в романах А. Картер // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 153–161
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-153-161

FOR CITATION

Semenets A.V. The interpretative potential of the spatial images of desert in A. Carter's novels. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2018, no. 3, pp. 153–161
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-3-153-161